

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СПИРИДОНОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института североевропейских исследований, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

aspir211@gmail.com

КОЛОНИЯ ЭПОХИ ВИКИНГОВ ПРИ УСТЬЕ ШУИ ПОД ПЕТРОЗАВОДСКОМ*

В статье, посвященной памяти Глеба Сергеевича Лебедева (1943–2003), анализируются предметы вооружения и украшения эпохи викингов из грабительских раскопок могильника близ Петрозаводска. Коллекция (комплекс, не связанный с конкретными погребениями) включает 25 предметов. Хронология находок определена в рамках X – начала XI века (в целом, во всяком случае, до 1050 года). Большая часть предметов имеет широкий общебалтийский круг аналогий эпохи викингов (с акцентом на Юго-Западную Финляндию и Среднюю Швецию). При этом в Восточной Европе аналогии концентрируются в курганах Юго-Восточного Приладожья. Некоторые находки выстраиваются в географически логичные цепочки по маршруту: р. Паши – р. Свирь – Онежское озеро. Автор приходит в выводу о финско-скандинавском характере могильника, других находок в пос. Шуе и соотносит их с деятельностью кюльфингов/колбягов древнесеверных источников.

Ключевые слова: Прионежье, эпоха викингов, колонизация, колбяги

В конце 2010 года нам стало известно о находках поисковиками на северной окраине пос. Шуя серии раннесредневековых бронзовых украшений и предметов вооружения. Несмотря на то что предметы были обнаружены при обследовании территории с помощью металлоискателей, что вполне попадает в разряд «черной археологии», исходя из редкости и важности вещей было принято решение пойти на контакт с находчиками. В результате удалось на время получить предметы для фотографирования и зарисовки (на предложения передать коллекцию в музей последовали отказы), а после выезда на место путем опроса трех информаторов – достаточно точно локализовать место обнаружения артефактов (рис. 1). Найдки «черных копателей» не стали полной неожиданностью. В 1997 году в пос. Шуе, в 3,5 км ниже по течению реки, при случайных обстоятельствах был найден меч эпохи викингов (рис. 2:1), в 2000-х годах археологическими экспедициями ПетрГУ в нижнем течении р. Шуи было исследовано поселение древнерусского времени, выявлен ряд других пунктов с керамикой и иными вещами рубежа I–II тыс. н. э. [9; 62–64], [41]. Геологи КарНЦ РАН выявили на оз. Логозере следы земледельческой практики, начавшейся в 800–900-е годы [18]. Вспомнилась находка еще в 1849 году монетного клада X (?) века в устье р. Неглинки в Петрозаводске [25; 29, № 158].

В 2011 году был снят инструментальный план участка и примерно в центре его заложена разведочная траншея площадью 20 м², в которой обнаружены сожженные кости, несколько металлических предметов, черепки лепной керамики, на материке выявлена канавка, предположительно определенная как сегмент ровика снесенной

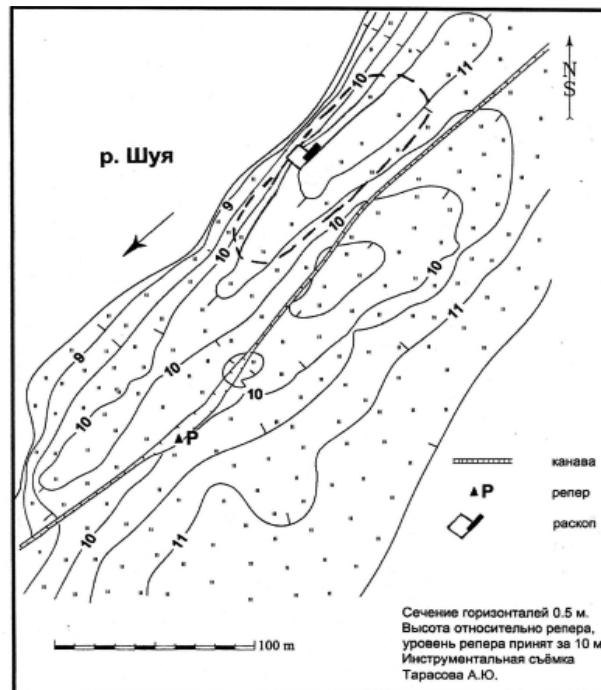

Рис. 1. План разрушенного могильника в Шуе.
Пунктиром обозначена площадка, на которой в ходе грабительских раскопок были собраны вещи

курганной насыпи. В 2012 году с привлечением студентов (археологическая практика) на памятнике был размечен раскоп с целью исследования основания разведенного погребального сооружения¹.

В данной статье речь пойдет исключительно о коллекции вещей «черных копателей». Она заслуживает отдельного рассмотрения по двум связанным причинам: 1) обстоятельства проис-

хождения; 2) предметы, собранные с помощью металлоискателей в разных частях площадки, не связаны с отдельными погребениями, представляют собой *случайную выборку* и потому так или иначе до раскопок характеризуют могильник в целом.

Вещи происходят с занятой лугом площадки на южной оконечности вытянутого вдоль берега слабого возвышения высотой около 2 м над уровнем воды. Указанное место обнаружения находок имеет размеры приблизительно 120 х 30–40 м. С востока возвышение ограничено низиной, по которой проложена мелиоративная канава (рис. 1). Топографические приметы нехарактерны (в сравнении, скажем, с Юго-Восточным Приладожьем) для раннесредневекового курганного могильника. Более возвышенные места, казалось бы, предпочтительные для устройства кладбища, есть в окрестностях, но эти возвышенности являются песчано-гравийными за валуненными образованиями, не устроившими древних обитателей.

Коллекция включала 24 находки, несколько вещей были очищены от окислов, но большая часть инвентаря покрыта патиной и имела признаки недавнего извлечения из земли. Представлены следующие предметы.

1. Меч, очевидно, с намеренно (ритуально) сломанным клинком (длина сохранившейся части 33 см), верхняя часть навершия рукояти отсутствует, перекрестье сдвинуто с первоначального места (рис. 2:2). Клинок (где могло быть клеймо мастера), гарда и сохранившаяся часть навершия рукояти (возможно, с серебряной орнаментальной инкрустацией) по понятным причинам не расчищались, что не позволяет точно определить тип меча. Предположительно укажем на близкую находку типа Т-2 или V, по Я. Петерсену, из района среднего течения р. Паши в Юго-Восточном Приладожье [12]. С могильником, вероятно, но не наверняка², может быть связан уже упомянутый первый меч из Шуи (рис. 2:1) – сравнительно легкий, весом 880 г, длиной без обломанного острия клинка 76 см. По форме навершия рукояти его следует отнести к типам V или U. Географически ближайшей аналогией является меч, найденный при грабительских раскопках кургана у д. Ручьи на р. Свирь (Уособый) [31; 107–108, 160], [15; рис. 81:10]. Датировка этих типов на древнерусской территории определяется А. Н. Кирпичниковым [11; 31–32] концом IX–X веком, Ф. А. Андрощук [1; 80–82, табл. 1, рис. 4] по скандинавским материалам относит их к средней и поздней эпохе викингов (900–1050 годы).

2. Боевой топор, относящийся к типу VI по А. Н. Кирпичникову [11], датируемый X–XI веками (рис. 2:3).

3. Обломок бронзовой тордированной гривны с граненой головкой без шипов («глазов-

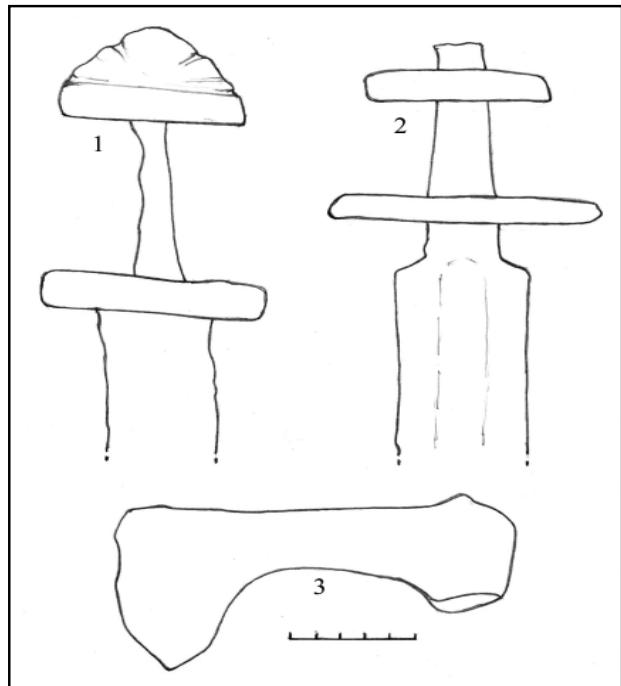

Рис. 2. Мечи и боевой топор

ского» типа) (рис. 3:1). М. В. Фехнер [43; 56–59, 75–76, рис. 7] со ссылками на работы Х. Салмо, М. Стенбергера и Э. Кивикоски указала на происхождение гривен этого типа из Юго-Западной Финляндии, где они датируются IX–X (XI?) веками. Лидирующее место по числу находок гривен «глазовского» типа в Восточной Европе занимает Юго-Восточное Приладожье, в курганных могильниках которого, по подсчетам С. И. Кочкуркиной [15; 262, рис. 82:1], их найдено 22 экземпляра в комплексах конца IX – начала XI века. К учтенным приладожским находкам надо добавить 2 гривны того же типа из могильника у д. Кривой Наволок на р. Паши [30; 116].

4. Пять и, видимо, обломок дуги шестой бронзовых подковообразных фибул с гранеными головками. У двух застежек головки украшены шипами (у одной из них шипы оформлены после отливки двумя косыми надпилами), у одной плоские верхние грани украшены четырьмя точечными углублениями, у двух верхние грани головок гладкие, в одном случае головки фибулы соединены. Иглы сохранились лишь у двух экземпляров (рис. 3:4–8, 11). М. В. Фехнер [43; 59] была подмечена стилистическая связь головок этого типа фибул с гранеными головками описанных выше тордированных гривен, подтверждаемая их совместными находками в погребениях древнерусского времени. Вслед за Х. Салмо [46; 28, 38, 50] она посчитала такие застежки «чисто финским типом, характерным для X в.».

Последняя полная сводка по фибулам данного типа, предпринятая в связи с анализом находок на Рюриковом городище под Новгородом, принадлежит Н. В. Хвошинской [44; 60–63, fig. 1]. Ею

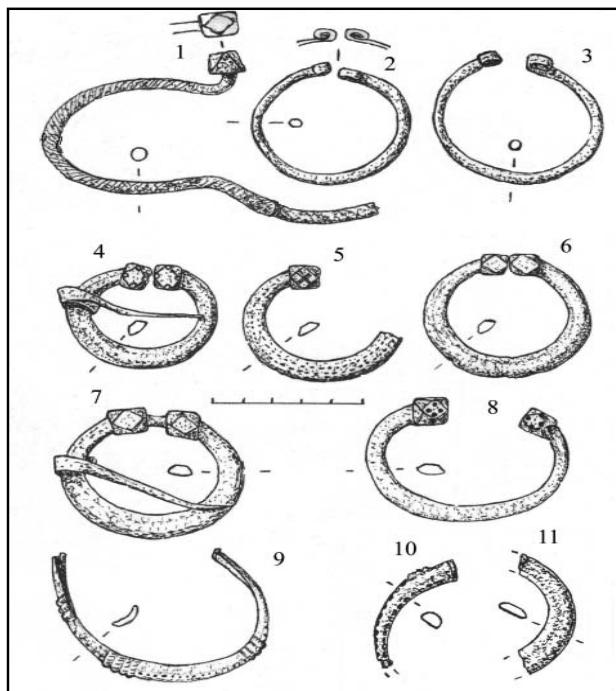

Рис. 3. Бронзовые гравна (1), фибулы (2–8, 10–11) и браслет (9) из грабительских раскопок

показано, что фибулы с гранеными головками являются одним из характерных элементов общебалтийской культуры / дружинно-купеческой субкультуры эпохи викингов, они встречены в десятках экземпляров в странах Балтии, Финляндии (более 100 экз.), Швеции, Норвегии и на древнерусской территории, датируются IX–X (XI?) веками. В России находки концентрируются в Юго-Восточном Приладожье (44 экз.) [14; 29–30], [15; 265, рис. 83:8, 9], встречены на Карельском перешейке (5), на Рюриковом городище (19), в Новгороде (4), в Белозерье (2), на Сарском городище в Верхнем Поволжье (9), в могильниках Ярославского Поволжья (7). Проложено, что и в регионе Балтики, и на древнерусской территории такие же, как в Шве, крупные фибулы обычно встречаются в мужских захоронениях [24; 159–162], [23; 43], [44; 62–63]. Добавим, что помимо шести шуйских фибул в Прионежье известны еще четыре находки подковообразных застежек с гранеными головками: у массивных украшений из окрестностей Повенца [42; 99, рис. 3] и с оз. Водлозера [40; 246–247, рис. 4:29] головки украшены шипами, у экземпляра из Челмужей (курган 1) [15; 250] – соединены и гладкие, у обломка более миниатюрной фибулы из приустья р. Суна [13; 202, рис. 63:91] граненая головка гладкая.

5. Две бронзовые подковообразные спиралеконечные фибулы с круглым сечением дуг (рис. 3:2, 3) относятся к наиболее широко распространенному типу, встречающемуся в могильниках и на поселениях Восточной и Северной Европы в комплексах X (и ранее) – XIII веков

[24; 152–153], в Новгороде – в слоях до 1268 года [21; 75]. В культурном плане тип нейтрален.

6. Обломок орнаментированного щитка бронзовой овально-выпуклой фибулы (рис. 4:11). По небольшому фрагменту тип изделия абсолютно точно не определим, но наиболее вероятно фибула относится к широко распространенному типу 51, по Я. Петерсену, датирующемуся в основном X веком. В Восточной Европе находки застежек женских платьев этого типа, как и других скандинавских типов, концентрируются в основном в курганах Юго-Восточного Приладожья (37 экз.) [15; 260, рис. 80:2] и Гнездово под Смоленском [7; 191–206]. В Прионежье две такие фибулы были найдены при грабительских раскопках курганов Кокорино в Уницкой губе [33; 169–171].

7. Обломок бронзового предмета, который с большой долей уверенности определяется как часть круглой ажурной фибулы (рис. 4:3). По Э. Кивикоски, подобные украшения являются обычными для древностей Финляндии (более 320 экз.), за ее пределами известны единичные находки в Швеции, Юго-Восточной Прибалтике и на севере России (приводится по: [37; 67]). Последние происходят из Юго-Восточного [15; 260, рис. 80:11, 12] и Западного [37; 62–68, рис. 13:6, 7] Приладожья. Все четыре приладожские находки датируются X веком.

8. Обломок бронзовой фибулы с утолщенными концами, дуга украшена четырьмя рядами точечных вдавлений (рис. 3:10). В. А. Мальм [24; 152–153], приведя немногочисленные сведения о находках таких фибул на древнерусской территории, склонялась к мнению об их происхождении из Юго-Восточной Прибалтики и датировала их XI–XII веками.

9. Горизонтальный игольник в виде трубочки из тонкого бронзового листа, два из трех типичных накладных утолщений, в том числе центральное, с петлей для привешивания, утрачены (рис. 4:4). Он относится к типу 1 по классификации Л. А. Голубевой [4; 202], имевшему в эпоху викингов общебалтийское распространение. Пятнадцать таких игольников происходят из комплексов в основном X – начала XI века курганов Юго-Восточного Приладожья [15; 268, рис. 85:1].

10. Смятый колоколовидный бронзовый бубенчик с отверстием в верхней части для прошивания шнурка (рис. 4:5).

11. Бронзовая буса-«флакончик» (рис. 4:9). Эти бусы на рубеже I–II тыс. были характерны для оятских могильников Юго-Восточного Приладожья, где С. И. Кочкуркина [14; 26–27] предполагает центр их производства, датируя в основном X веком. Ожерелья из бус-«флакончиков» входили в состав инвентаря двух других курганных групп, известных на Онежском озере [33; 170], [6; 114], [39; 35, 39, рис. 3:7, 8:4–17].

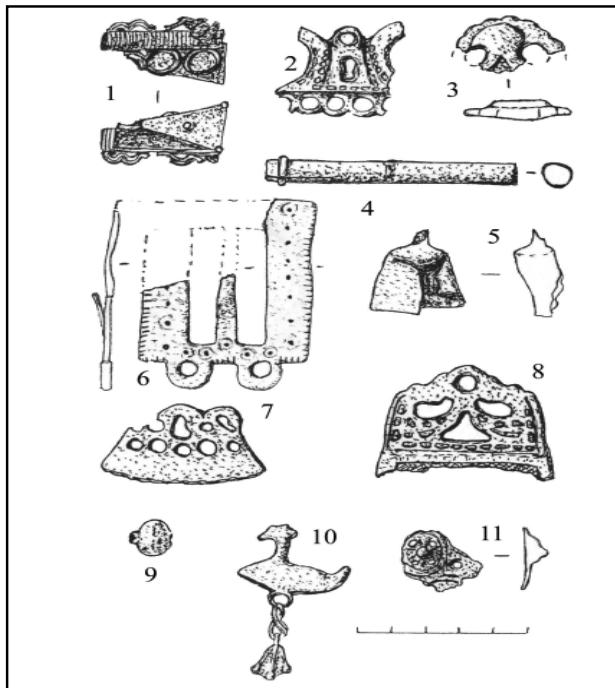

Рис. 4. Бронзовые подвески (1, 2, 5, 10), фибулы (3, 11), игольник (4), часть пояса или портупеи (6), огнива с бронзовыми рукоятями (7, 8) и бусина (9) из грабительских раскопок

12. Бронзовая полая орнитоморфная подвеска с привеской в виде утиной лапки, вторая петля для подвешивания обломана (рис. 4:10). Украшение относится к группе VI, типу XVIII, варианту 3 по Е. А. Рябинину [35; 37, табл. XVIII:7–13, XIX:1]. Из 23 известных подвесок данного варианта 10 происходят из Юго-Восточного Приладожья, 8 – из Вологодской, Архангельской и Костромской областей, остальные найдены в Западном Приуралье. Дата по Е. А. Рябинину – XI–XII века.

13. Бронзовая шумящая подвеска из рубчатой трубочки, украшенной сверху припаянной «волной» из двучастного дрота, с одной из трех сохранившихся привесок треугольной формы (рис. 4:1). Это единственный предмет из коллекции «черных копателей», который имел явные следы пребывания в огне. Тип имеет истоки в волжско-финских древностях рубежа I–II тыс. [36; 228–229], однако единичные подобные подвески известны в Восточном (комплекс около 1000 года) [32; 30, табл. IX:4] и Северном [37; 74–75] Приладожье.

14. Обломанная бронзовая плоская двуконочная подвеска (рис. 4:2) принадлежит к группе II, типу VI по Е. А. Рябинину [35; 19–21, табл. VI:7–9]. Тип появляется в Прикамье в позднеломоватовское время, находки концентрируются в Верхнем Прикамье, суммарно, включая зауральские экземпляры, насчитывается более 120 таких подвесок [3; 94–97]. Из них только 4 встречены на древнерусской территории: три в двух приладож-

ских курганах на р. Паше, одна в Тверской губернии, все датируются временем около 1000 года.

15. Огниво с остатками стальной пластины для высекания огня и бронзовой рукоятью, изображающей фигуры двух борющихся медведей (?) в половину корпуса с поднятыми передними лапами, туловища украшены рядами выпуклых прямоугольников (рис. 4:8). Оно относится к типу 3 группы II по классификации Л. А. Голубевой [2; 124, рис. 2:8], [5; 99]. Были известны девять экземпляров огнив этого типа, из которых пять найдены в разных могильниках в Прикамье (два X века, остальные вне комплексов), по одному на р. Печоре и в Нижнем Приобье, еще два в Приладожье и Прионежье.

С учетом значительной разбросанности (но серийности) указанных Л. А. Голубевой далеких «восточных» находок тем более интересны географически близкие аналогии этому редкому типу кресал. Одно происходит из комплекса женского трупоположения кургана CXVII (по Н. Е. Бранденбургу) у д. Вахрушево на р. Паше с младшей монетой 995–1002 годов, железной гривной с подвеской, парными «карельскими» фибулами, соединенными цепью, колесовидной и трилистной фибулой типа 90. По этим предметам инвентаря А. Стальсберг [47; 275–277, 290] атрибутирует данное погребение как скандинавское, и с ней склонна согласиться С. И. Кочкуркина [14; 29], [15; 180–182]. Еще одно кресало типа 3 найдено в мужском трупоположении (3) кургана № 2 в Челмужах на северном побережье Онего. В общей погребальной домовине того же кургана женское погребение по младшим саманидской и германской монетам датируется рубежом X–XI веков [15; 250–252, 271, рис. 85:11]. Полная до мелких деталей схожесть этого последнего огнива коллекции с зарисованным и сфотографированным шуйским экземпляром позволяет утверждать, что при отливке их бронзовых рукоятей использовалась одна форма. Приладожская и прионежская аналогии шуйской находке требуют особого внимания, поскольку все четыре известные огнива типа 2 той же группы II по Л. А. Голубевой [2; 123], [5; 99] («схематическое изображение двух противостоящих зверей в рост») происходят из курганов на р. Паше (Валданица 1, X век [16; 110–111]), на р. Свирь (Подъяндебское, около рубежа X–XI веков [15; 222]) и севернее снова на берегах Онежского озера – в Челмужах (мужское трупоположение 2 кургана № 2, около рубежа X–XI веков) и Кокорино (курган № 5, не позднее начала XI века [39; 39–44, рис. 8:1]).

16. Второе огниво из грабительских раскопок в Шуе к моменту фотографирования и зарисовки было очищено от окислов, бронзовая рукоять схематично изображает фигуры двух разъезжающих всадников (рис. 4:7). Оно относится к варианту 2 группы IV [5; 103–104, рис. 4:11–13]. Л. А. Голубева в статье 1993 года

(ср.: [2; 130–131]) последовала за классификацией П.-Л. Лехтосало-Хиландер, основанной на 50 ученных последней находках огнiv этой группы, самые ранние из которых в могильнике Луйстари датируются первой половиной X века [22; 88–89, рис. 6], [45; 74–75]. Исходя из указанной ранней даты и концентрации находок наиболее реалистичных изображений всадников на рукоятях первого варианта в Юго-Западной Финляндии финляндская исследовательница считает эту территорию исходной для типа. Ко второму, более схематичному варианту (к которому принадлежит шуйская находка) отнесены восемь известных экземпляров огнiv группы IV: в Швеции, Финляндии и Латвии (всего 6 экз.), напр. Ветлуге (1) и в скандинавском камерном погребении в Гнездово. Все аналогии датируются второй половиной X века [30; 10–11]. Оценивая, помимо хронологии, находку в Шве (девятую по счету), следует отметить нечеткие и, на наш взгляд, не «работающие» критерии для выделения трех вариантов огнiv группы IV.

17. Бронзовый ладьевидный браслет с сужающимися концами, украшенный тремя поперечными зонами утолщений и двумя продольными рядами точечных насечек по дуге (рис. 3:9). В. П. Левашова [20; 243–245] упала на древнерусской территории всего 29 экземпляров ладьевидных браслетов четырех разновидностей, отметила их происхождение из Скандинавии и Финляндии, концентрацию восточноевропейских находок в курганах Юго-Восточного Приладожья. На деле их значительно больше: только в приладожских курганах, по подсчетам С. И. Кочкуркиной [15; 266], 44 браслета из комплексов в основном X века. Географически ближайшие аналогии – в курганах Кокорино в Уницкой губе Онего [32; 169–171].

18. Обломанная массивная плоская прорезная платина из бронзы – часть пояса или портупеи, продевавшаяся в ремень, украшенная циркульными и точечными насечками, с двумя петлями для привешивания (рис. 4:6). Полные аналогии не укажем, подобные части пояса встречены на памятниках Юго-Восточной Прибалтики.

Хронология предметов из описанной коллекции укладывается в X – начало XI века. Чуть более поздние даты (но комплекс – в любом случае до 1050 года) могут иметь лишь боевой топор (рис. 1:3), обломок одной фибулы (рис. 3:10) и шумящие подвески (рис. 4:1, 10).

Большая часть вещей имеет очень широкий, общебалтийский (с акцентом на Юго-Западную Финляндию и Среднюю Швецию) круг аналогий. При этом массовые параллели тому же большинству предметов в Восточной Европе концентрируются именно в Юго-Восточном Приладожье. Это убедительно демонстрируют два меча (приладожские курганы – самые «вооруженные» на древнерусской территории, в них найдены

24 меча), ладьевидный браслет, кресала, гривна, обломок овально-выпуклой застежки и шесть массивных подковообразных фибул с гранеными головками. Неслучайность шуйских находок «приладожских» украшений подтверждают ближайшие соответствия им, обнаруженные в курганах и на поселениях в разных пунктах Прионежья. Но культура курганов Юго-Восточного Приладожья конца IX–XII века, по признанию всех исследователей, представляет собой сложное, многокомпонентное и динамичное явление. Поэтому просто отнести шуйские находки к приладожской курганной культуре, даже на уровне веществования, значит не сказать ничего или почти ничего. Попытаемся более конкретно определить предметы из комплекса могильника.

О социальном статусе погребенных колонистов много говорят два меча. Меч в погребении – престижный атрибут воина, показатель его ранга, нередко дружины [19; 290–308]. Приведем известные характеристики ведущего отечественного оружеведа А. Н. Кирпичникова: «Об этнической принадлежности воинов-меченосцев судить трудно; в погребениях меч – признак не этнический. Решать племенную принадлежность погребенных воинов можно на основе всестороннего анализа всего инвентаря». И далее: «Находки мечей указывают не только места пребывания дружины, но и места торговли» [11; 25, 49]. При этом и этнический признак в случае с половинкой меча, найденной на могильнике «черными археологами» (рис. 1:2), все же есть: клинок был преднамеренно сломан, что сигнализирует о скандинавском ритуале при совершении захоронения [19; 300].

Среди «приладожских» вещей в коллекции обращают на себя внимание два предмета, узко датирующиеся временем около 1000 года: двуконочная подвеска и огнivo с бронзовой рукоятью, изображающей борющихся медведей. Подмеченное сходство (до тождества) последнего с кресалом, найденным в челмужском кургане на северном берегу Онего, уже само по себе указывает на системность ладожско-онежских связей на рубеже I–II тысячелетий. С другой стороны, типы подвески и огнива имеют явно верхнекамские источники. Ряд онежско-приладожско-западноуральских параллелей могут продолжить обнаруженные в Кокорино и Челмужах подвески – «всадницы на змее» [35; каталог, № 224–242], в какой-то мере – орнитоморфная подвеска из Швеи (рис. 4:10)³.

Если искать в Приладожье могильники с набором инвентаря, близко напоминающим шуйский, то это, например, курганы с «финско-скандинавскими» погребениями X – начала XI века у д. Подъелье в среднем течении р. Паши (раскопки Н. Е. Бранденбурга) или у д. Заозерье на ее притоке р. Капше (раскопки В. И. Равдоникаса): в них найдены и мечи, и гривны «глазов-

ского» типа, и фибулы с гранеными головками, и овально-выпуклые фибулы типа 51, и соединенные цепью с последними двуконочковые прикамские подвески (см.: [15; 170–176, 192–196], [19; 495–504, цв. илл. во вклейке]). Помимо памятников р. Паши, нельзя не заметить большого сходства шуйской коллекции и вещей из грабительских и неквалифицированных раскопок курганов в среднем течении р. Свири, где в X–XI веках существовала группа особых поселений, контролировавших движение торговцев и товаров по водному пути в Прионежье и, вероятно, далее на север [38; 147–153]. В. А. Назаренко аргументированно локализует на р. Паши «ядро» приладожской курганной культуры X века [28; 235–236]. В средних течениях рек Паши и Свири сосредоточены находки кладов монетного серебра и украшений XI века, в том числе громадные сокровища, насчитывавшие по несколько тысяч монет. На этом фоне вовсе не случайной выглядит описанная выше короткая цепочка находок огнив типа 2, группы II (рис. 4:8): Паши – Свири – Онежское озеро.

Колония в приусыте р. Шуи (напомним, что ее следы – это не только разрушенный могильник, но также селища и клад монетного серебра с арабскими дирхемами, найденный в Петрозаводске) предстает, таким образом, как звено в цепи налаженной в X веке системы связей, завязанной на дальнюю международную тор-

говлю. Археологически изучены и следующие (последние?) звенья этой цепи – поселения местных охотников и промысловиков X–XI веков на оз. Сямозере в бассейне Шуи и севернее, на которых найдены импортные украшения (включая сломанную подвеску «гнездовского» типа) и предметы обихода, полученные в обмен на пушину [13; 82–101], [41].

Вещи немы, и нам остается догадываться, каким был *mother tongue* колонистов в устье Шуи тысячу лет назад – прибалтийско-финским или скандинавским. По происхождению и специфике занятий (в плане социокультурной идентификации) они были более всего *kylfingar* / колбяги – в том виде и роде деятельности на севере Фенноскандии, как их описывает древнеисландская «Сага об Эгиле Скаллагримссоне» (*kylfingar*, как и норвежец Торольв с дружиной, занимались торговлей с местным населением, «а кое-где – грабежами») [10; 78–79], [8; 109–112]. «Русская Правда» и византийские источники XI века видят приладожских колбягов в другом ракурсе и, соответственно, знают в иной ипостаси – как членов наемных дружин древнерусских князей и византийских императоров, упоминая их в паре с варягами [34; 511–513], [26; 52–54] (об этимологии *kylfingar* / колбяги / кулпинги см. также [17; 210–215]). И сложись иначе судьбы шуйских меченосцев, их могилы могли бы быть где-нибудь на долгом пути «из варяг в греки».

*Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг. (подпрограмма «Carelica»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Далее началась история с участием Министерства культуры Карелии, «подключенного» им РОВД, Прионежского районного суда и автора этих строк. По вполне формальному поводу (задержка с получением из Министерства культуры России Открытого листа на право проведения археологических раскопок – ситуация, увы, хорошо знакомая многим российским археологам в последние годы) Минкультуры республики, зная о предшествовавших и продолжающихся грабительских раскопках на могильнике, в сопровождении вооруженного майора полиции доставило на раскоп предписание прекратить «земляные работы», РОВД завело дело об административном правонарушении. Мировой судья Прионежского района в конце августа вынесла вердикт: «Производство по делу об административном правонарушении в отношении Спириданова А. М. по ч. 1 ст. 19,5 КоАП прекратить по малозначительности», но раскоп пришлось законсервировать до следующего сезона. Документы и переписка, касающиеся этой истории, приложены к полевому отчету: Спириданов А. М. Отчет о раскопках могильника Шуя и разведочных работах в Прионежском районе Республики Карелия в 2012 году (Архив Института археологии РАН).

² Вблизи места случайной находки этого меча на трех распахивающихся селищах собрана лепная раннесредневековая керамика.

³ В статье не место углубляться в эту тему, но все же напомним замечания Е. А. Мельниковой о скоплении кладов восточных монет к востоку от Ярославского Поволжья, зарытых около середины IX века, и о находке в погребении поблизости от современной Перми подвески второй половины X – начала XI века с изображением знака Рюриковичей на одной стороне и молоточка Тора – на другой [24; 162–163]. Ср. намек Е. Н. Носова и Н. В. Хвощинской в связи с анализом находок огнив с рукоятями, изображающими разъезжающихся всадников, от Урала до Скандинавии: «Картина в принципе может оказаться даже более сложной, чем она представляется сейчас» [26; 11]. Можно вспомнить об Одине и кресалах Прикамья, о женщинах-литейщицах, а мы укажем на пока уникальное огниво с бронзовыми рукоятью в виде повернутых друг к другу стилизованных птичьих голов, найденное в 20 км к северу от Шуи на поселении Суну VI [12; рис. 63:1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А н д р о щ у к Ф. А. Мечи и некоторые проблемы хронологии эпохи викингов // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. И. Посвящается 80-летию А. Н. Кирпичникова. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 72–93.
2. Г о л у б е в а Л. А. Огнива с бронзовыми рукоятьми // Советская археология. 1964. № 3. С. 115–132.
3. Г о л у б е в а Л. А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // Советская археология. 1966. № 3. С. 80–98.
4. Г о л у б е в а Л. А. Игольники восточноевропейского Севера X–XIV вв. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 199–204.

5. Голубева Л. А., Варенов А. Б. Новое об огнивах с бронзовыми рукоятями // Российская археология. 1993. № 4. С. 94–109.
6. Гроздилов Г. П. Курганы у д. Челмужи // Археологический сборник. Петрозаводск: Государственное изд-во Карело-Финской ССР, 1947. С. 111–114.
7. Дедюхина В. С. Фибулы скандинавского типа // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Тр. ГИМ. Вып. 43. М.: Сов. Россия, 1967. С. 191–206.
8. Джаксон Т. Н., Спиридовон А. М. Древнескандинавские письменные источники // Кочкуркина С. И., Спиридовон А. М., Джаксон Т. Н. Письменные известия о карелах. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 97–137.
9. Жульников А. М., Спиридовон А. М. Древности Петрозаводска. Петрозаводск: Петрозаводск, 2003. 130 с.
10. Исландские саги / М. И. Стеблин-Каменский. М.: Госиздат, 1956. 784 с.
11. Кирличников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли X–XIII вв. // Свод археологических источников. Вып. Е1–36. Л.: Наука, 1966. 187 с.
12. Кирличников А. Н., Назаренко В. А. Меч с именным клеймом из Юго-Восточного Приладожья // Кочкуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 336–338.
13. Коسمенко М. Г. Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск: РИО КарНЦ РАН, 1992. 222 с.
14. Кочкуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л.: Наука, 1973. 150 с.
15. Кочкуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск: Карелия, 1989. 348 с.
16. Кочкуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси X – начала XIII века. Петрозаводск: Карелия, 1985. 223 с.
17. Кулешов В. С., Мачинский Д. А. Колбяги // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 207–227.
18. Лаврова Н. Б., Демидов И. Н., Спиридовон А. М., Герман К. Э., Мельников И. В. К вопросу о начале земледелия на севере Онежского озера по палинологическим данным // Геология и полезные ископаемые Карелии. Вып. 10. Петрозаводск: РИО КарНЦ РАН, 2007. С. 194–206.
19. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 639 с.
20. Левашова В. П. Браслеты // Очерки по истории древнерусской деревни X–XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 43. М.: Советская Россия, 1967. С. 207–252.
21. Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода // Материалы по археологии Новгорода. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 29–98.
22. Лехтсало-Хилендер П.-Л. Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов // Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979. С. 130–137.
23. Макаров Н. А. Колонизация северных окраин древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий, 1997. 368 с.
24. Мальм В. А. Подковообразные и кольцевые застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Тр. Государственного исторического музея. Вып. 43. М.: Сов. Россия, 1967. С. 149–190.
25. Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910. 148 с.
26. Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура Русского Севера. Л.: Наука, 1988. С. 44–58.
27. Мельникова Е. А. Ладога и формирование Балтийско-Вожского пути // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб.: ИПК «Вести», 2003. С. 157–165.
28. Назаренко В. А., Селин А. А. Юго-Восточное Приладожье в свете данных археологии и письменных источников // Очерки исторической географии: Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 232–247.
29. Носов Е. Н., Хощинская Н. В. Связи населения центрального Приильменья с Западной Финляндиеи и Эстонией в контексте международной торговли в регионе Балтики в IX–X вв. // Северная Русь и народы Балтики. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 6–17.
30. Носов Е. Н., Хощинская Н. В., Янссон И. Могильник у деревни Кривой Наволок в Юго-Восточном Приладожье // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.: Изд-во Института истории материальной культуры РАН, 1994. С. 107–132.
31. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1899 г. СПб.: Изд-во ЕИВ Двора, 1902.
32. Радоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье // Известия ГАИМК. Вып. 94. М.; Л.: ОГИЗ. Гос. социально-экономическое изд-во, 1934. 73 с.
33. Радоникас В. И. Скандинавские находки в курганах Прионежья // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 9–10. С. 169–171.
34. Рядеская Е. А. К варяжскому вопросу: Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси. Ч. 1 // Известия АН СССР. Сер. VII. Отд. общ. наук. 1934. № 7. С. 485–532.
35. Рябинин Е. А. Зооморфные украшения древней Руси X–XIV вв. // Свод археологических источников. Вып. Е1–60. Л.: Наука, 1981. 123 с.
36. Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 260 с.
37. Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История, 2010. 398 с.
38. Спиридовон А. М. К истории Посвирья: опыт комплексного привлечения данных // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск: РИО ПетрГУ, 1989. С. 146–159.
39. Спиридовон А. М. Раннесредневековые памятники Кокорино // Заонежье (Заонежский сборник). Петрозаводск: РИО КарНЦ РАН, 1992. С. 29–48.
40. Спиридовон А. М. Раннесредневековые памятники в приусье р. Илексы // Национальный парк «Водлозерский»: Природное разнообразие и культурное наследие. Петрозаводск: РИО КарНЦ РАН, 2001. С. 246–254.
41. Спиридовон А. М. Поселение Пичево под Петрозаводском и проблемы изучения «саамского железного века» в южной Карелии // Кийский вестник. Вып. 14. Петрозаводск: РИО КарНЦ РАН, 2013 (в печати).
42. Станевич Я. В. Курганы Юго-Восточного Приладожья и Карело-Финской ССР // Археологический сборник. Петрозаводск: Государственное изд-во Карело-Финской ССР, 1947. С. 94–110.
43. Фехнер М. В. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Тр. Государственного исторического музея. Вып. 43. М.: Сов. Россия, 1967. С. 55–87.

44. K h v o s h c h i n s k a y a N. V. Penannular brooches from Ryurikovo Gorodishche // Fenno-Ugri et Slavi 1997. Cultural Contacts in the Area of the Gulf of Finland in the 9th – 13th Centuries. Helsinki, 1999. P. 60–69.
45. L e h t o s a l o - H i l a n d e r P.-L. Luistari II: The Artefacts // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. № 82:2. Helsinki, 1982.
46. S a l m o H. Finnische Hufeisenfibeln // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. № 56. Helsinki, 1956.
47. S t a l s b e r g A. Scandinavian relations with Northwestern Russia during the Viking Age: The archaeological evidence // Journal of Baltic Studies. 1982. Vol. 13. № 3. P. 267–295.

Spiridonov A. M., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

VIKING AGE COLONY NEAR SHUYA CREEK IN VICINITY OF PETROZAVODSK

The analysis of weapons and ornaments dating back to the Viking Age found during robbery excavations of the burial grounds near Petrozavodsk is presented in the article. The collection (a complex without any connection to a particular burial) includes 25 items. The found items were allegedly produced at the end of the X and beginning of the XI centuries (in general, they were created before 1050). The majority of the items share wide analogies characteristic of the Viking Era in the Baltic Sea region (with multiple features inherent to southwestern Finland and central Sweden). At the same time, east European analogies are concentrated in the burial mounds of the southeastern region of Ladoga Lake. Some findings can be traced along a geographically logical route: Pasha River – Svir’ River – Lake Onego. The author claims that the found burial grounds together with the findings excavated around Shuya creek have Finnish-Scandinavian origin. The author correlates them with the activity of kylfingar as they are mentioned in the Old Norse sources.

Key words: Lake Onego region, Viking Age, colonization, kylfingar

REFERENCES

1. A n d r o s h c h u k F. A. Swords and some problems of the Viking Age chronology [Mechi i nekotorye problemy khronologii epokhi vikingov]. *Kraeugol’nyy kamen’. Arkheologiya, istoriya, iskusstvo, kul’tura Rossii i sopredel’nykh stran. T. I* [Corner-Stone. Archaeology, history, arts and culture of Russia and its neighbours. Vol. I]. Moscow, Lomonosov Publ., 2010. P. 72–93.
2. G o l u b e v a L. F. Steels with bronze handles [Ogniva s bronzovymi rukoyatiami]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1964. № 3. P. 115–132.
3. G o l u b e v a L. A. Horse pendants of Upper Kama region [Kon’kovye podveski Verkhnego Prikam’ya]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1966. № 3. P. 80–98.
4. G o l u b e v a L. A. Needle holders of East European North (X–XIV centuries) [Iigol’niki vostochnoevropskogo Severa X–XIV vv.]. *Voprosy drevney i srednevekovoy arkheologii Vostochnoy Evropy* [Questions of Ancient and Medieval Archaeology of Eastern Europe]. Moscow, Nauka Publ., 1978. P. 199–204.
5. G o l u b e v a L. A., V a r e n o v A. B. New on steels with bronze handles [Novoe ob ognivakh s bronzovymi rukoyatiami]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology]. 1993. № 4. P. 94–109.
6. G r o z d i l o v G. P. Burial mounds near Chelmuzhy [Kurgany u d. Chelmuzhy]. *Arkheologicheskiy sbornik* [Collected archaeological articles]. Petrozavodsk, Karelian-Finnish State Publ., 1947. P. 111–114.
7. D e d y u k h i n a V. S. Fibulae of Scandinavian type [Fibuly skandinavskogo tipa]. *Ocherki po istorii russkoy derevni X–XIII vv. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Essays on the history of the Russian village (X–XIII centuries). Transactions of State History Museum]. Vol. 43. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1967. P. 191–206.
8. J a c k s o n T. N., S p i r i d o n o v A. M. Old Scandinavian written sources [Drevneskandinavskie pismennye istochniki]. *Kochkirkina S. I., Spiridonov A. M., Jackson T. N. Pis’mennye izvestiya o karelakh* [Written News on Karelians]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1990. P. 97–137.
9. Z h u l ’ n i k o v A. M., S p i r i d o n o v A. M. *Drevnosti Perozavodska* [Petrozavodsk antiquities]. Petrozavodsk, Scandinaviya Publ., 2003. 130 p.
10. *Islandske sagi* [Islandic sagas]. Moscow, Gosizdat Publ., 1956. 784 p.
11. K i r p i c h n i k o v A. N. *Drevnerusskoe oruzhie. Vyp. I. Mechi i sabli X–XIII vv.* [Old Russian Weapon. Vol. 1. Swords and sabres of the 10–13th centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1966. 187 p.
12. K i r p i c h n i k o v A. N., N a z a r e n k o V. A. Sword with name-mark from southeastern Lake Ladoga region [Mechi s imennym kleymom iz Yugo-Vostochnogo Priladozh’ya]. *Kochkirkina S. I. Pamyatniki Yugo-Vostochnogo Priladozh’ya i Prionezh’ya X–XIII vv.* [Monuments of the southeastern Lake Ladoga and Lake Onego regions of the X–XIII centuries]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1989. P. 336–338.
13. K o s m e n k o M. G. *Mnogosloynye poseleniya yuzhnay Karel’i* [Multilayer settlements of South Karelia]. Petrozavodsk, Karelian Research Centre Publ., 1992. 222 p.
14. K o c h k u r k i n a S. I. *Yugo-Vostochnoe Priladozh’e v X–XIII vv.* [SE Lake Ladoga region in the X–XIII centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 150 p.
15. K o c h k u r k i n a S. I. *Pamyatniki Yugo-Vostochnogo Priladozh’ya i Prionezh’ya X–XIII vv.* [Monuments of the SE Lake Ladoga and Lake Onego regions of the X–XIII centuries]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1989. 348 p.
16. K o c h k u r k i n a S. I., L i n e v s k i y A. M. *Kurgany letopisnoy ves X – nachala XIII v.* [Mounds of Chronicle’s ves’ of the X – the beginning of the XIII centuries]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1985. 223 p.
17. K u l e s h o v V. S., M a c h i n s k i y i D. A. Kolbiagi [Kolbyags]. *Ladoga i Gleb Lebedev. Vos’mye chteniya pamyati Anny Machinskoy* [Ladoga and Gleb Lebedev. The Eighth readings in memoriam of Anna Machinskaya]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2004. P. 207–227.
18. L a v r o v a N. B. et al. On the beginning of land cultivation in the North of Lake Onego according to palynological data [K voprosu o nachale zemledeliya na severe Onezhskogo ozera po palinologicheskim dannym]. *Geologiya i poleznye iskopаемые Karel’i* [Geology and useful minerals of Karelia]. Vol. 10. Petrozavodsk, Karelian Research Centre Publ., 2007. P. 194–206.
19. L e b e d e v G. S. *Epokha vikingov v Severnoy Evrope i na Rusi* [Viking Age in Northern Europe and in Rus’]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2005. 639 p.
20. L e v a s h o v a V. P. Bracelets [Braslety]. *Ocherki po istorii russkoy derevni X–XIII vv. Trudy gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Essays on the history of the Russian village (X–XIII centuries). Transactions of State History Museum]. Vol. 43. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1967. P. 207–252.

21. L e s m a n Yu. M. Novgorod jewelry items chronology [Khronologiya yuvelirnykh izdeliy Novgoroda]. *Materialy po arkheologii Novgoroda* [Materials on Novgorod archaeology]. Moscow, University Publ., 1990. P. 29–98.
22. L e h t o s a l o - H i l a n d e r P.-L. On the connections of western finns with Eastern Europe in the Viking Age [Svyazi zapadnykh finnov s Vostochnoy Evropoy v epokhu vikingov]. *Finno-ugry i slavyane* [Finno-ugrians and slavs]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. P. 130–137.
23. M a k a r o v N. A. *Kolonizatsiya severnykh okrain drevney Rusi v XI–XIII vv. Po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov na volokakh Belozer'ya i Poonezh'ya* [Colonization of the Northern Periphery of ancient Russia. 1000–1300 A. D. In the light of archaeological data from the portages of Beloozero and Onega river regions]. Moscow, Scriptorium Publ., 1997. 368 p.
24. M a l ' m V. A. Crescent and ring brooches [Podkovoobraznye i kol'tsevye zastezhki-fibuly]. *Essays on the history of the Russian village*. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1967. P. 149–190.
25. M a r k o v A. K. *Topografiya kladov vostochnykh monet (sasanidskikh i kuficheskikh)* [Hoards topography of eastern coins]. St. Petersburg, 1910. 148 p.
26. M a c h i n s k i y D. A., M a c h i n s k a y a A. D. Northern Rus', Russian North and Old Ladoga in the VIII–XI centuries [Severnaya Rus', Russkiy Sever i Staraya Ladoga v VIII–XI vv.]. *Kultura Russkogo Severa* [Culture of the Russian North]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. P. 44–58.
27. M e l ' n i k o v a E. A. Ladoga and the formation of the Baltic–Volga Way [Ladoga i formirovanie Baltiysko-Volzhskogo puti]. *Ladoga i istoki rossiyskoy gosudarstvennosti i kul'tury* [Ladoga and sources of Russian statehood and culture]. St. Petersburg, Vesti Publ., 2003. P. 157–165.
28. N a z a r e n k o V. A., S e l i n A. A. SE Ladoga Lake region in the light of archaeological data and written sources [Yugo-Vostochnoe Priladozh'e v svete dannykh arkheologii i pis'mennykh istochников]. *Ocherki istoricheskoy geografii: Severo-Zapad Rossii. Slavyane i finny* [Essays on historical geography: North-West of Russia. Slavs and Finns]. St. Petersburg, SPbSU Publ., 2001. P. 232–247.
29. N o s o v E. N., K h v o s h c h i n s k a y a N. V. Connections of the Central Ilmen' Lake region population with Western Finland and Estonia in the context of international trade in the Baltic region in the IX–X centuries [Svyazi naseleniya tsentral'nogo Pril'men'ya s Zapadnoy Finlyandie i Estoniey v kontekste mezhdunarodnoy torgovli v regione Baltiki v IX–X vv.]. *Severnaya Rus' i narody Baltiki* [Northern Rus' and peoples of the Baltic]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2007. P. 6–17.
30. N o s o v E. N., K h v o s h c h i n s k a y a N. V., J a n s s o n I. Burial mounds near the village of Krivoy Navolok in SE Lake Ladoga region [Mogil'nik u derevni Krivoy Navolok v Yugo-Vostochnom Priladozh'e]. *Novyе istochniki po arkheologii Severo-Zapada* [New sources on archaeology of the North-West]. St. Petersburg, Institute on the history of material culture, 1994. P. 107–132.
31. *Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii za 1899 g.* [Report of Imperial Archaeological Commission for the year 1899]. St. Petersburg, 1902.
32. R a v d o n i k a s V. I. Monuments of feudalism epoch in Karelia and southeastern Lake Ladoga region [Pamyatniki epokhi vozniknoveniya feodalizma v Karelii i Yugo-Vostochnom Priladozh'e]. *Izvestiya GAIMK* [Proceedings of the State Academy on the history of material culture]. Vol. 94. Moscow; Leningrad, OGIZ Publ., 1934. 73 p.
33. R a v d o n i k a s V. I. Scandinavian finds in the mounds of Lake Onego region [Skandinavskie nakhodki v kurganakh Prionezh'ya]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv* [Problems of pre-capitalist societies history]. 1934. № 9–10. P. 169–171.
34. R y d z e v s k a y a E. A. On the question of Varangians. Local place-names of Scandinavian origin in connection with the question of Varangians in Rus'. Part 1 [K varyazhskomu voprosu. Mestnye nazvaniya skandinavskogo proiskhozhdeniya v svyazi s voprosom o varyagakh na Rusi. Chast' 1]. *Izvestiya AN SSSR* [Proceedings of the USSR Academy of sciences]. Series VI. Department of humanity sciences. 1934. № 7. P. 485–532.
35. R y a b i n i n E. A. *Zoomorfnye ukrasheniya drevney Rusi X–XIV vv.* [Zoomorphic jewelry of ancient Rus' (X–XIV centuries)]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 123 p.
36. R y a b i n i n E. A. *Finno-ugorskie plemena v sostave Drevney Rusi. K istorii slavyano-finskikh etnokul'turnykh svyazey. Istoriko-arkheologicheskie ocherki* [Finno-ugrian tribes in structure of Old Rus']. On the history of slavonic-finnish ethnic and cultural relations. Historical and archaeological essays]. St. Petersburg, University Publ., 1997. 260 p.
37. S a k s a A. I. *Drevnyaya Kareliya v kontse I – nachale II tysyacheletiya n. e. Proiskhozhdenie, istoriya i kul'tura naseleniya letopisnoy Karel'skoy zemli* [Ancient Karelia at the end of I – the beginning of II millennium A. D. Origin, history and culture of the population of Chronicle's Karelian land]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2010. 398 p.
38. S p i r i d o n o v A. M. On the history of Svir' River region: model of complex data approach [K istorii Posvir'ya: opyt kompleksnogo priyvlecheniya dannykh]. *Voprosy istorii Evropeyskogo Severa* [Questions of the European North history]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1989. P. 146–159.
39. S p i r i d o n o v A. M. Early Medieval monuments of Kokorino [Rannesrednevekovye pamyatniki Kokorino]. *Zaonezh'e*. Petrozavodsk, Karelian Research Centre Publ., 1992. P. 29–48.
40. S p i r i d o n o v A. M. Early Medieval monuments at Ileksa River mouth [Rannesrednevekovye pamyatniki v priust'e r. Ileksa]. *Natsional'nyy Park "Vodlozerskiy": prirodnoe raznoobrazie i kul'turnoe nasledie* [National Park "Vodlozerskiy": Natural diversity and cultural heritage]. Petrozavodsk, Karelian Research Centre Publ., 2001. P. 256–254.
41. S p i r i d o n o v A. M. Pichevo site in the vicinity of Petrozavodsk and problems of "Sami Iron Age" studies in South Karelia [Poselenie Pichevo pod Petrozavodskom i problemy izucheniya "saamskogo zheleznoy veka" v yuzhnay Karelii]. *Kizhskiy vestnik* [Kizhi bulletin]. Vol. 14. Petrozavodsk, Karelian Research Centre Publ., 2013 (in print).
42. S t a n k e v i c h Ya. V. Mounds of southeastern Lake Ladoga region and Karelian-Finnish SSR [Kurgany Yugo-Vostochnogo Priladozh'ya i Karelo-Finskoy SSR]. *Arkheologicheskiy sbornik* [Collected archaeological articles]. Petrozavodsk, Karelian-Finnish State Publ., 1947. P. 94–110.
43. F e k h n e r M. V. Neckrings [Sheynyne grivny]. *Ocherki po istorii russkoy derevni X–XIII* [Essays on the history of the Old Russian village (10–13th centuries)]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1967. P. 55–87.
44. K h v o s h c h i n s k a y a N. V. Penannular brooches from Ryurikovo Gorodishche // Fenno-Ugri et Slavi 1997. Cultural Contacts in the Area of the Gulf of Finland in the 9th – 13th Centuries. Helsinki, 1999. P. 60–69.
45. L e h t o s a l o - H i l a n d e r P.-L. Luistari II: The Artefacts // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. № 82:2. Helsinki, 1982.
46. S a l m o H. Finnische Hufeisenfibeln // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. № 56. Helsinki, 1956.
47. S t a l s b e r g A. Scandinavian relations with Northwestern Russia during the Viking Age: The archaeological evidence // Journal of Baltic Studies. 1982. Vol. 13. № 3. P. 267–295.